

Петр Дмитриевич
Барановский

В. А. Десятников,
искусствовед

Аввакум XX века

Есть люди особого рода. Они свершают свой подвиг длиною в жизнь. Иногда их знают только специалисты. Широкому кругу современников до поры до времени они неизвестны. Но наступает урочный час, имя становится, как знамя...

В давнюю мою бытность сотрудником министерства культуры случай свел меня с архитектором-реставратором П. Д. Барановским. Ему тогда исполнилось семьдесят лет, и мастерская, где он работал, представила его к присвоению почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Петр Дмитриевич принес автобиографию, заполненный листок по учету кадров и список творческих трудов. Старший инспектор отдела кадров, отставной подполковник, полистал документы Барановского и заявил:

— Какое вам может быть звание? Вы всю жизнь церкви реставрировали.

— Не церкви, а памятники культуры, — отпарировал Барановский.

Продолжать разговор было бессмысленно. Петр Дмитриевич положил бумаги в потертый портфель с ручкой, оплетенной синей изоляционной лентой, и вышел. Мне было стыдно за моего сослуживца, но этика не позволяла встречать в разговор. Я вышел из кабинета и побежал в гардероб. Петр Дмитриевич неспешно надевал свой темно-серый демисезон и кепку. Он выглядел скорей мастером, но никак не профессором, выдающимся ученым. Извинившись, я попросил его отдать мне принесенные документы. Расчет был простой. Бывший подполковник частенько прихварывал, я надеялся в его отсутствие заготовить необходимые бумаги и подписать у начальства. В то время я учился на вечернем отделении истфака МГУ и знал, что Барановский приступил к реставрации Крутицкого подворья в Москве. Знал и другое, что человек он прямой и у него много недоброжелателей. Звание ему нужно было не корысти ради, а как щит от несведущих людей, а то и заведомых врагов. Забегая вперед, скажу: Петру Дмитриевичу звание присвоили. Последние годы жизни он охотно ставил свою

подпись в защиту памятников Отечества на прошениях, где нужен был высокий ранг челобитчиков. Что касается личной выгоды, Барановский никогда ее не искал. Он любил повторять слова Гоголя: «Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны». И еще — «Леность бо всему мати» — это из «Поучения» Владимира Мономаха.

Несмотря на огромную разницу в возрасте, мы подружились с Петром Дмитриевичем, и я стал бывать у него дома. Он жил с женой Марией Юрьевной в маленькой коммунальной квартире в бывших больничных палатах Новодевичьего монастыря. Мария Юрьевна была известным ученым, кандидатом наук, специалистом по истории декабристского движения и крупнейшим знатоком московских некрополей. Оба они стали моими духовными наставниками. Однако это наставничество не носило характер ортодоксального «послушания». В тихой монастырской «келье» Барановского мне чаще приходилось слышать не акафисты, а анафемы. Нередко я узнавал здесь такие факты из недавней истории реконструкции Москвы и охраны памятников, что доверять памяти не решался, и, придя домой, записывал содержание бесед. С годами составила целая книга.

За свой век, а прожил Петр Дмитриевич Барановский девяносто два года, он работал по изучению и реставрации памятников России, Грузии, Карелии, Белоруссии, Азербайджана, Украины. География научных экспедиций, в которых он участвовал, простирается от Карпат и до Байкала, от Соловков до Баку. Началась эта работа в 1912 году, когда за проект восстановления Болдинского монастыря под Дорогобужем, построенного славным зодчим Федором Конем, выпускник Московского строительного училища двадцатилетний крестьянский сын Петр Барановский был награжден золотой медалью Русского археологического общества. Потом последовали служба помощником архитектора и одновременно учение на искусствоведческом факультете Московского

археологического института. Не миновала Барановского и первая мировая война. Он был мобилизован в инженерную дружину и служил начальником команды, строившей укрепления на Западном фронте. В этой должности Петр Дмитриевич встретил Октябрьскую революцию. Почти вся инженерная дружина самовольно разъехалась по домам, а он опломбировал склады и стал их охранять. Такой уж он был человек — преданный долгу до конца. А когда прибыли представители новой власти, им и передал спасенные от разграбления склады.

Весной 1918 года Барановский, закончив институт, получил диплом историка архитектуры и был рекомендован к педагогической работе. За несколько месяцев написал диссертацию о памятниках Болдинского монастыря, удостоился профессорского звания. Осенью того же года началось восстановление памятников ярославского Спасо-Преображенского монастыря, разрушенных во время эсеровского мятежа. Шла гражданская

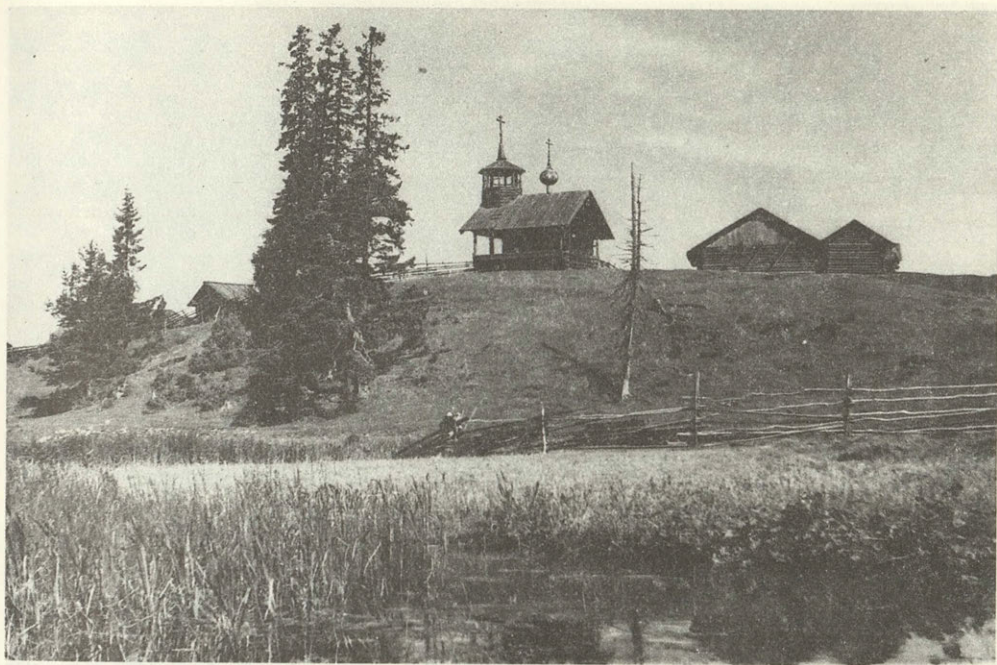
война. Казалось бы, можно было подождать до лучших времен, тем не менее восстановительные работы начались тотчас же. Ведь это были памятники того самого монастыря, где обнаружилось «Слово о полку Игореве»! Руководить реставрацией назначили профессора в солдатской шинели — Барановского. С тех пор он и находится на переднем крае изучения и реставрации старого зодчества.

Три пуда соли. Именно столько смог взять с собой молодой профессор Барановский, отправляясь в 1921 году в экспедицию по реке Пинеге. Деньги в то время ничего не стоили. На соль можно было выменять хлеб, нанять подвод или лодку, рассчитаться с рабочими.

— Дождался я лета и поехал, — рассказывал Петр Дмитриевич. — В то время меня интересовали деревянные шатровые храмы, своего рода предтечи каменной церкви Вознесения в Коломенском, о которой летописец сказал: «Бе же та церковь вельми чудна выотою и красотою, и светлостью». В прибрежных селах на Пинеге оказалось столько церквей «чуд-

Проездная башня Николе-Корельского монастыря, привезенная для музея деревянной архитектуры в Коломенском, организованного П. Д. Барановским

Северный мотив

ных вельми», что решил во что бы то ни стало пройти по реке до самых верховьев. Приезжаешь в село, а там две-три шатровые церкви-красавицы, трехэтажные дома-хоромы, мельницы-крепости — и все это первоклассные шедевры народного зодчества. Строили северяне так, чтобы самим всю жизнь красотой любоваться и чтобы внукам завет остался...

— А в этой лодке, — продолжал Барановский, показывая старую фотографию, — мы проделали обратный путь до села Пинега, где я сел на последний пароход, уходящий на зимовку в Архангельск. Страшно даже вспомнить это путешествие. Мой проводник, местный житель, согласившийся за пуд соли быть кормчим, долго, должно быть, меня вспоминал. Вначале плыли хорошо. Потом ударили холода. Светлого времени было мало, и мы рисковали разбиться на порогах. Пинега к устью стала широкой. Деревень на берегу не было видно, обогреться и пополнить припасы негде. К тому же стали мучить галлюцинации. Однажды к вечеру плывем, а впереди высокий крутой берег. Голодные, глаза слышаются от усталости, сами ооченели от холода. И вдруг мне почудились огни. «Гляди, — толкаю своего кормчего, — деревня!» Тот взгляделся и прямо-таки зарвел от радости. Ломая прибрежный лед, с трудом пристали к берегу. Выскочили из лодки и бросились наперегонки. Бежим, а огни все дальше от нас. Понял я, что это обман зрения. Собрал остатки сил и еле смог уговорить моего обезумевшего спутника вернуться назад. А он уже совсем изнемог. Стащил его, как куля, на

дно лодки и погреб дальше. Эту ночь я никогда не забуду.

Казалось, больше на Север не заманишь никакими калачами. Однако все в жизни пропорционально интересу. На следующий год опять поехал по северным деревням. Ничего не знаю чудеснее русской деревянной архитектуры! — закончил свой рассказ Петр Дмитриевич.

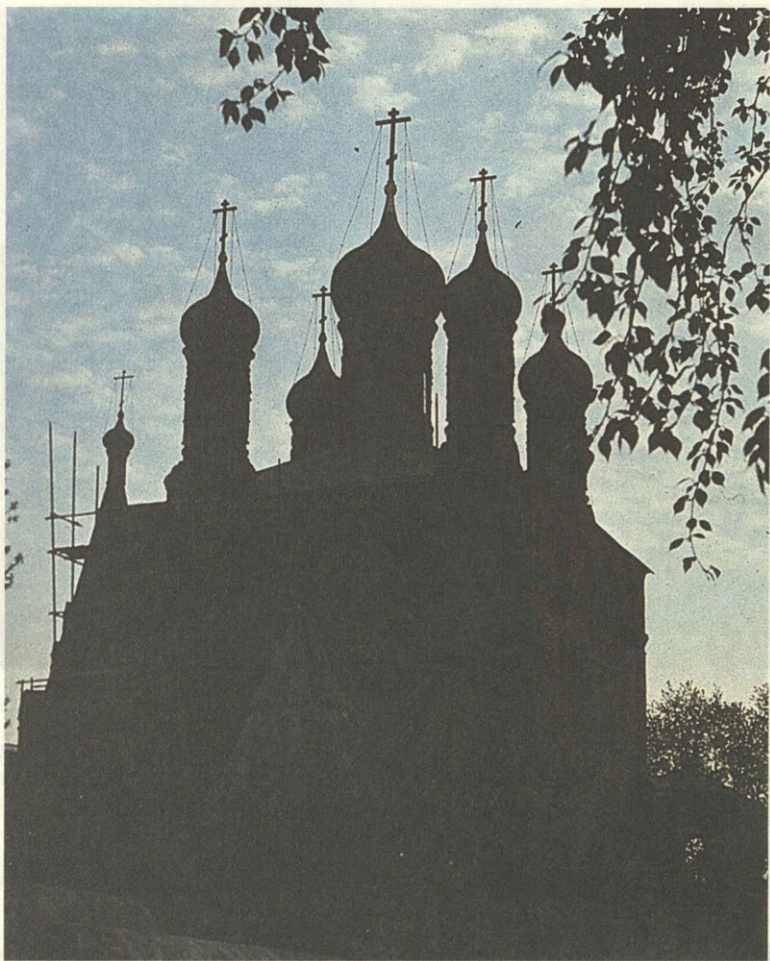
Всего Барановский совершил десять экспедиций на Север — по Беломорскому побережью, по Онеге, северной Двине, Пинеге, в Новгород и его волости, на Соловки, в Карелию.

А однажды случилось так. «Где хоронить дорогого Петра Дмитриевича?» — заканчивалась заготовленная телеграмма, которую должны были отправить в Москву летом 1931 года участники Беломорско-Онежской экспедиции.

Экспедиция подходила тогда к концу. Времени оставалось в обрез, а в селе Пияла надо было обмерить, сфотографировать и зарисовать ряд памятников. Петр Дмитриевич боялся за их судьбу, и не напрасно. Большая часть этих памятников погибла затем от рук ретивых ниспровергателей старины. Особенно тщательно Барановский делал обмеры уникального Пияльского собора. Торопясь, он решил идти не по матицам потолка собора, а прямо по доскам. Только вступил, весь потолок рухнул с десятиметровой высоты: гвозди проржавели и повыскакивали из своих гнезд. Барановский оказался под грудой толстых досок. Когда доски разобрали, он лежал, казалось, без дыхания. Тогда и была составлена злополучная теле-

Вязма.
Церковь
Одигитрии

Москва.
Крутицкое
подворье

грамма. Но отправить ее из глухого села оказалось не так-то просто. Вернулись к Барановскому, а он уже пришел в сознание.

— Две недели пролежал в медпункте села Чекуево, — вспоминал Петр Дмитриевич, — а как стал подниматься, то непременно захотел посмотреть, что из древностей осталось в местном закрытом соборе. Зашел — кругом грязь, птичий помет. Вижу, под всякой рухлядью резная доска. Вытащил ее и ахнул. Передо мной был истинный шедевр — резная дверь XVII века, экспонат, достойный украсить любой музей народного творчества.

Чекуевская находка лучше всех припарок помогла тогда Барановскому подняться на ноги. Бланк телеграммы о его смерти сохранился у него в архиве. Петр Дмитриевич поистине оправдал народное поверье, что жить после несостоявшихся похорон — до ста лет. Когда вы будете в музее «Коломенское», не забудьте полюбоваться резной дверью из села Чекуево. Музейные экспонаты тоже имеют свою историю. То, что вы увидите в музее, — дом Петра I из Архангельска, башню

Никола-Корельского монастыря с Беломорья, башню братского острога с Ангары — все это привезено и поставлено для вашего обозрения Петром Дмитриевичем Барановским. Он и был организатором и первым директором музея «Коломенское».

Неподалеку от центра Москвы, на крутом берегу Яузы, стоит один из древнейших форпостов столицы, некогда прикрывавший ее с юга. Это Спасо-Андроников монастырь. Здесь русские воины, уходя на Куликовскую битву, прощались с Москвой. Сюда они вернулись победителями. С Андрониковым монастырем связано и имя Андрея Рублева.

Ныне в Андрониковом монастыре — музей его имени. Создан он при непосредственном участии Барановского. В 40-е годы, после войны, о музее трудно было даже мечтать. Не хватало жилья, все строения монастыря были заняты под коммунальные квартиры. И все же Петр Дмитриевич со своими единомышленниками, первым из которых следует назвать Давида Ильича Арсенишвили, добились своего. В 1947 году постановлением Совета Министров СССР территория

Дом в Новодевичьем монастыре, где жил П. Д. Барановский

бывшего Спасо-Андроникова монастыря была объявлена музеем-заповедником.

Из архивов явствовало, что Андрей Рублев был погребен под старой соборной колокольней, не дошедшей до нашего времени. Не могло быть, чтобы надгробная плита с могилы Андрея Рублева пропала. Петр Дмитриевич искал ее. Нетрудно понять, сколько материалов перебрал он в своих поисках и каким он был специалистом по эпиграфике. «И вот однажды, — рассказывал мне Барановский, — к концу дня, когда рядом со Спасским собором рабочие закончили прокладывать траншею, я увидел вывощенную ими могильную плиту...» Плита показалась ему «подозрительной». Эпитафия была во многих местах сколота. Петр Дмитриевич попробовал ее прочесть, но наступила темнота. Он углем натер плиту и передал надпись на большой лист бумаги. Придя домой, приступил к расшифровке текста и просидел за этим занятием до утра. Сбитые буквы не позволили прочесть всю надпись. Однако не вызвало сомнения, что это была надгробная плита первой трети XV века. Окрыленный находкой, Петр Дмитриевич поспешил в монастырь. Но плита исчезла.

— Где плита? — спросил он у рабочих.

— Какая плита?

— Та, которая лежала здесь вчера вечером?

— Видите, какая слякоть! — сказали рабочие. — Мы вашу плиту на щбенку пустили и посыпали дорожку, по которой вы шли к собору...

В Институте истории искусств АН СССР Барановский сделал доклад, в котором изложил свои изыскания. По Барановскому выходило, что Андрей Рублев умер 29 января («на память Игнатия Богоносца») 1430 года.

Торжественное открытие музея имени Андрея Рублева состоялось в 1960 году. Во всем мире тогда отмечалось 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси. Среди тех, кто при открытии музея скромно стоял сбоку от большого начальства, был и Петр Дмитриевич, без которого, пожалуй, и музея бы этого не было.

Научные интересы Барановского отличались чрезвычайной обширностью, но более всего его интересовало время сложения русской школы архитектуры, когда она освободилась от византийского влияния. Это как раз совпадает с периодом создания «Слова о полку Игореве». То было время одного из вершинных взлетов творческого гения нашего народа, прерванное нашествием кочевников. «Потому, — говорил Барановский, — каждый из оставшихся «в живых» памятников русской архитектуры домонгольского периода, будь то Покров на Нерли или Дмитровский собор во Владимире, — это поэмы, равные «Слову», но только сложенные в камне».

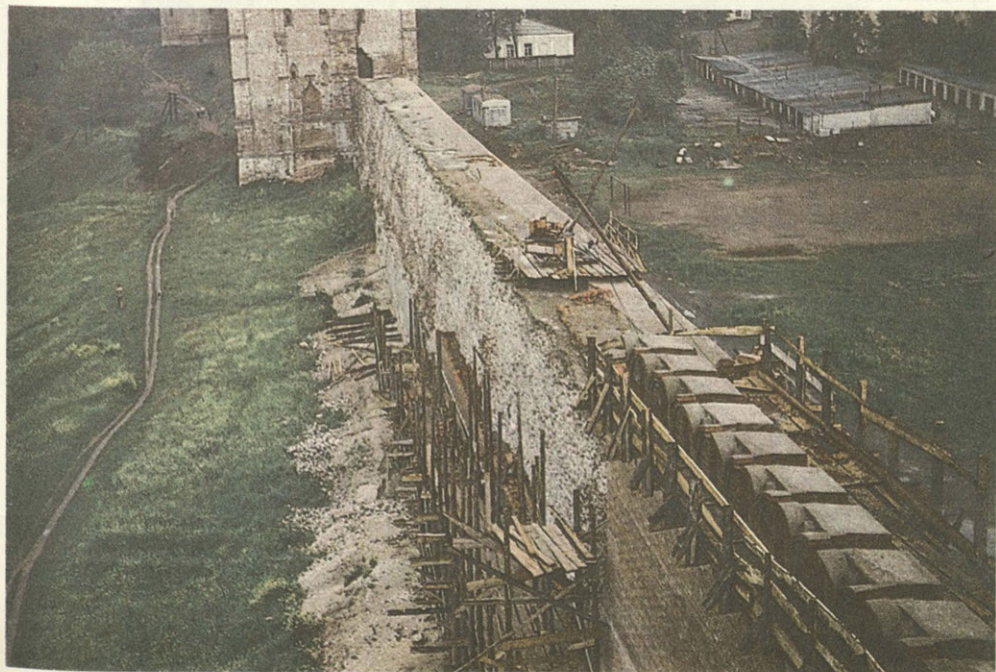
Спросите у любого знающего специалиста, и он вам подтвердит, что восстановление Барановским черниговской церкви Параскевы Пятницы является признанным во всем мире эталоном реставрации. В пору войны фашисты уничтожили многие памятники культуры.

Секретным приказом рейха предписывалось оставить нас без исторического наследия. «Рабы не имеют своей истории», — говорилось в фашистском приказе. Петр Дмитриевич, будучи экспертом Чрезвычайной комиссии по расследованию вражеских злодеяний на временно оккупированной территории, вошел в Чернигов с войсками, освободившими город. На месте церкви Параскевы Пятницы он увидел руины. До войны считалось, что это сооружение в стиле украинского барокко построено в XVII веке. Каково же было удивление Петра Дмитриевича, когда он обнаружил, что церковь в своей основе — древнее здание, сложенное из плоского кирпича — плинфы, употреблявшейся в домонгольскую пору. Тогда и возникло у реставратора предположение, что памятник этот — современник «Слова о полку Игореве». Он не ошибся в своем предположении. Чтобы доказать это и восстановить памятник в его первоизданном виде, понадобилось несколько лет напряженного труда. Реставрация началась, когда еще шла война. Люди в Чернигове жили в землянках. Не хватало кирпича, чтобы сложить печи. И в то же время на виду у всего города из руин поднимался памятник архитектуры. Петр Дмитриевич рассказывал, как однажды разъяренная толпа женщин привела к нему инвалида, который поворачивал плинфы и сложил себе баньку. Если бы наше самосознание было как у тех женщин военной поры, тогда не мучил бы нас стыд за ничем не оправданный снос в 30-х годах Сухаревой башни, Страстного и Чудова мона-

стырей, старинных московских особняков, связанных с памятью Пушкина и Лермонтова.

Имена доморожденных геростратов у нас, к сожалению, не предаются гласности, но общественность их знает и давно занесла в позорный поминальник. Такую «московскую летопись», начиная с конца 30-х годов, вел Барановский. В его архиве хранился пожелтевший от времени журнал «Огонек» за 1930 год. На обложке новогоднего номера главный редактор Михаил Кольцов, рьяно борющийся за снос древних памятников Москвы, поместил фотографию руин взорванного шедевра древнерусской архитектуры — собора Симона монастыря: дескать, на этом месте поднимется Дворец культуры. Характер подписи в духе того времени. Только почему именно на месте храма, а не поодаль от него, чтобы старое и новое дополняли друг друга, создавая единый ансамбль. Благо условия для этого были прекрасные — вокруг монастыря простирались обширные, ничем тогда не застроенные пустыри. Что же, и его самого, Михаила Кольцова, постигла злая судьба.

Превосходный пример сочетания старого и нового подавал архитектор А. В. Щусев. Он построил Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади так, будто место для Мавзолея было предусмотрено еще при основании Кремля. «Алексей Викторович Щусев, — говорил Барановский, — был достоин истинного уважения и как художник, и как гражданин Отечества. Когда Щусеву предложили строить Дворец культуры автоза-

Смоленск.
Крепостная стена.
Реставрирована на средства ВООПИиК

вода и поставили условием, чтобы здание было возведено непременно на месте тогда еще только предназначенного к сносу собора Симонова монастыря, то архитектор заявил решительный протест».

Но нашлись архитекторы, которые согласились строить. Не смутило их и то, что у стен собора располагался старинный некрополь, где покоились многие славные сыны России. Выход был найден без особых трудов: произвели перенос некоторых захоронений, а остальной некрополь был уничтожен. Могильные плиты пошли под фундамент — Дворец культуры автозавода стоит буквально на костях наших предков. Остается только назвать авторов. Это были братья Веснины. Справку о них вы можете прочитать в БСЭ. Не прочтаете только, что братья Веснины в определенном смысле предвосхитили известность французского архитектора Корбюзье, у которого не дрогнула рука, когда он писал, что «в Москве все нужно переделать, предварительно все разрушив» (Корбюзье. Планировка города. — М., 1933. С. 204). Это впрямую соотносилось с планами Кагановича: «Когда ходишь по московским переулкам, — писал этот градоправитель, — то получается впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель... Мы должны знать, где и как строить, проложив ровные улицы в правильном сочетании, выправлять кривоколенные и просто кривые улицы и переулки» (Каганович Л. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР. М.: Л., 1931. С. 65—66). И «навыправляя»... Разве мог Барановский забыть об этих тяжких годах? Потому своим ученикам, молодежи, он не уставал повторять, и мы часто слышали от него: «За памятники Отечества надо стоять насмерть, ибо без прошлого нет будущего!»

Петр Дмитриевич за свою жизнь составил проекты восстановления и восстановил более ста памятников архитектуры. Да как восстановил! «Каждая реставрация Барановского, — говорил Грабарь, — это защита докторской диссертации». Он стал одним из основоположников советской реставрационной науки — им разработана методика архитектурной реставрации, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства. За десятилетия работы в библиотеках и архивах он собрал уникальный материал к «Словарю древнерусских зодчих» — более 1700 имен. Такой труд по плечу разве лишь целому научно-исследовательскому институту. Но напрасно вы будете искать имя Петра Дмитриевича Барановского в энциклопедических изданиях. Для него

там места не оказалось. И как тут не вспомнить мудрость древних: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем». Будем верить: время всех и все на свои места расставит. «Ни хитру, ни горазду... суда... не минути!» — как было сказано встарь на Руси. Не будем забывать, что для многих составителей энциклопедии и словарей Барановский был фигурой неприемлемой: он говорил правду в глаза. Кому угодно мог сказать.

Говорил и в 40-е, и в 60-е и в 80-е годы. Когда, в пору разгула «сталинского» плана реконструкции Москвы, повально стали сносить творения старого зодчества и замахнулись даже на Василия Блаженного, Петр Дмитриевич не побоялся решительно выступить против. У него был на высоких тонах разговор с Кагановичем. Тот не прислушался к голосу разума. Тогда Барановский послал резкую телеграмму на самый «верх». Василия Блаженного удалось спасти, но строптивому реставратору это стоило нескольких лет жизни вдали от дома, от семьи. Мария Юрьевна — жена Барановского — рассказывала: «Петр Дмитриевич одно только и успел у меня спросить на свидании перед отправкой: «Спасли?» Я плачу, а сама головой кивая: «Целый!»

Барановский мог, когда этого требовали интересы охраны памятников, остаться не только в меньшинстве, но и не согласиться со всеми. Это было не упрямство, а высшей пробы принципиальность гражданина Отечества. В развороченном фашистами Чернигове он пришел на бюро горкома партии и стал говорить, что один из цехов кирпичного завода надо приспособить для изготовления плитинф. Можно себе представить, как отреагировали на заявление реставратора члены бюро горкома. Вспоминая тот нелегкий день, Петр Дмитриевич улыбался в свои жесткие усы щеточкой: «Все-таки я заставил их выслушать меня».

— Ну и что решило бюро горкома? — спросил я.

— В конечном итоге правильное решение было принято, — ответил Барановский и пояснил: — Я добился приема у секретаря Центрального Комитета партии Украины и убедил его, что пролетариат никогда не простит, если мы не сохраним столпы нашей культуры.

— Это ведь ленинские слова, — заметил я.

— Тем я и взял, — сказал, как отрезал, Петр Дмитриевич.

А вспомните: Барановский — и Казанский собор на Красной площади в Москве. О том уже писали, и нет надобности вновь излагать злоключения этого

прекраснейшего творения русских зодчих. Одно можно сказать: свершен подвиг, и его смысл — возрождение древней святыни Москвы.

Да, Барановский — личность легендарная. Он стоит у истоков создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Его перу принадлежит первый устав Общества, когда об учредительном съезде общественность только еще мечтала. Активная гражданская позиция Барановского ярко проявилась при создании первого в стране молодежного реставрационного клуба «Родина». Собрав молодых энтузиастов — школьников, студентов, рабочих, он обучал их и на общественных началах приступил к восстановлению выдающегося памятника древнего зодчества — Крутицкого подворья. В свои семьдесят пять лет он упал в Крутицах с лесов и сломал себе ребро. Через месяц его снова видели на лесах. Человек он был неумный, принципиальности — гранитной. Недаром ведь Петр по-гречески «камень»! Друзья называли его Аввакумом XX века. Таким он оставался до самых последних дней. Помню, мы разбирали архив, который Петр Дмитриевич передавал в музей имени А. В. Щусева. На фотографии я увидел человека, который смотрелся маленькой точкой на куполе церкви Вознесения в Коломенском.

— Кто этот верхолаз и что он там делает?

— Как что? Чиню крышу, — ответил Барановский.

— Как вы туда залезли?

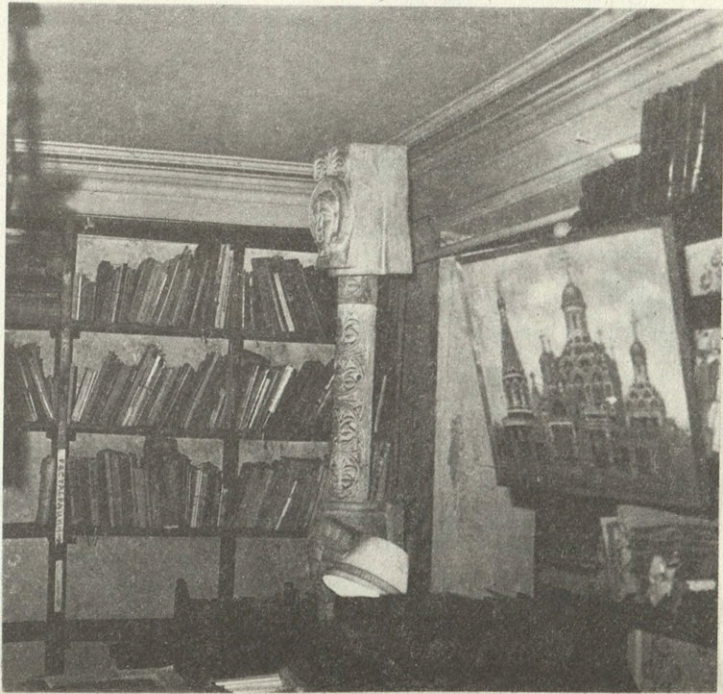
— Вылез в окошко, что в основании шатра, а потом по цепи до купола.

— И не побоялись?

— А что тут такого? У меня нет страха высоты. Я и сейчас бы туда залез, — сказал Петр Дмитриевич.

На таких от века на Руси жизнь держится. Полистайте нынче газеты и журналы. Обязательно найдете тревожные сигналы о неблагополучии с охраной памятников старины: там ломают, там не хранят. Только за последние тридцать лет список утраченных памятников вместе с именами должностных лиц, повинных в этом (а счет им ведется), если все опубликовать, составит книгу толще, чем учебник «Родная речь». Обрывается цепь преемственности поколений, скудеет культура Отечества, растет молодежь, не помнящая родства. Как бороться с этой бедой? Жалобами и письмами отдельных ценителей старины и даже учреждений дело не поправишь. Можно спасти тот или иной памятник, но кардинально проблему не решить. Так будет продолжаться до тех пор, пока не возьмемся за дело всем миром. Примером в этом могут служить труды и деяния Барановского. Прав Леонид Леонов, когда говорит в своих «Раздумьях у старого камня»: «Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, — из чувства этого и вытекает главный гармон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие».

Подвижником идей бессмертия России и был П. Д. Барановский.

Кабинет
П. Д. Барановского